

**Historiographical experience of young chemist:
an essay “India before and after sepoy mutiny” by Prafullachandra Ray**

**Историографический опыт молодого химика:
эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев»**

Скорородова Татьяна Григорьевна

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация
skorokhod71@mail.ru*

Tatiana G. Skorokhodova

*Penza State University,
Penza, Russian Federation
skorokhod71@mail.ru*

УДК 30 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117)

АННОТАЦИЯ

Эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев» анализируется в контексте развития исторического сознания в эпоху Бенгальского Возрождения XIX – начала XIX вв. Историографический опыт молодого индийского студента-химика представлен как символический ответ на интеллектуальный императив развития исследований индийской истории самими индийцами. П. Рай попытался описать «историю современности» в Индии в её политическом и экономическом, а также в социокультурном измерениях. Эссе занимает место значительное место на фоне фактического отсутствия индийских индигенных трудов о британской колонизации и правлении XVIII–XIX вв. На основе широкого круга источников П. Рай представил многосторонний и многозначный процесс и содержание истории

ABSTRACT

An essay *India before and after Mutiny* by Prafullachandra Ray has been analyzed in the context of development of historical consciousness during the Bengal Renaissance Nineteenth – early Twentieth centuries. The historiographical experience of young Indian student-chemist is presented as one of symbolic response to intellectual imperative to develop the study of Indian history by Indians. P. Ray tried to describe the history of contemporaneity for India in its political and economic along with social-cultural dimensions. The essay takes place of outstanding research against the backdrop of a lack of Indian indigenous works on XVIII–XIXth century colonization and the rule by the British. Based on the broad circle of sources, P. Ray presented many-sided and ambiguous process and content of history ‘before and after’ Mutiny (1857) to explain Indian modernization.

«до и после» Восстания (1857), чтобы объяснить модернизацию Индии. Он описывает, как и каким образом британское завоевание и правление изменило ход истории Индии. С одной стороны, индийцы были лишены возможности участия во власти и управлении, и на них было возложено бремя военных и экономических расходов. С другой стороны, импорт современных западных институтов и экономических форм создал не только опасность для благосостояния Индийского населения (бедность, голод и др.), но и широкие возможности в экономике (развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и др.), образования и современной науки, а также в политической сфере (развитие национального сознания и создание политической нации). Все проблемы и провалы в колониальной ситуации не отменяют положительное движение Индии в современный мир. П. Рай выдвигает идею экономического, интеллектуального и культурного развития соотечественников и перспективную мысль о принятии на себя ответственности за свою страну через будущее участие во власти.

Ключевые слова: История Индии Нового времени, Бенгальское Возрождение, историческое сознание, Профуллочондро Рай, историография, модернизация.

Для цитирования: Скороходова Т.Г. Историографический опыт молодого химика: эссе Профуллочондро Рая «Индия до и после Восстания сипаев». *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 97-117 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117>

He describes how and in what way the British conquest and government had changed the course of India's history. On the one hand, Indians were excluded from the power and administration, and the burden of military and economic expenses was placed on them. On the other hand, the import of modern Western institutions and economic forms had created not only danger to welfare of Indian population (poverty, starvation etc.), but also the broad advantages in economy (development of both industry and agriculture in India), education and modern science as well as in political sphere (development of national consciousness and the creation of political nation). All the problems and failures in colonial condition are not canceled the positive moving of India in the Modern world. P. Ray raises an idea of economical, intellectual and cultural development of compatriots and perspective idea of taking responsibility for their country through the future participation in government.

Keywords: Modern Indian history, the Bengal Renaissance, historical consciousness, Prafullachandra Ray, historiography, modernization.

For citation: Skorokhodova T.G. Historiographical experience of young chemist: an essay "India before and after sepoy mutiny" by Prafullachandra Ray. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 97-117 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2024-97-117>

«...В 1885 г. лорд Иддсли (Iddesleigh), который был министром по делам Индии в 1867–1868, а ныне лорд-ректор университета, объявил, что за лучшее эссе на тему “Индия до и после Восстания сипаев” будет присуждена награда. И хотя я был занят в лаборатории и готовился к экзаменам на степень бакалавра, я испытал искушение присоединиться к списку участников» [Ray, 1932, С. 61], — вспоминал индийский химик и общественный деятель Профуллочондро Рай (1861–1944). Что побудило молодого бенгальского студента Эдинбургского университета погрузиться в изучение книг и источников по истории политики и экономики Британской Индии XIX в., его родины, свыше ста лет находящейся в колониальной зависимости от одной из ведущих модернизированных стран Европы? Только ли его «скрытая, почти врождённая любовь к историческим исследованиям», которая пробудилась в момент объявления конкурса [Ray, 1932, С. 61], придала ему смелости состязаться с учёными-выпускниками Эдинбургского университета, и только ли «любовь автора к его стране, любовь к учёности и широта ума», отмеченные Хирендронатхом Мукерджи [Mukherjee, 2012, С. v]?

Историографический опыт Профуллочондро Рая был звеном в последовательном процессе формирования исторического сознания и осмысления истории Индии в эпоху национально-культурного ренессанса в Бенгалии XIX — начала XX вв. [См.: Dasgupta 2011; Dasgupta 2012]. Бенгальское Возрождение было исторически первым в ряду региональных социокультурных движений и процессов в колониальной Индии. Новые интеллектуальные элиты, сло-

жившиеся благодаря освоению западного научного и культурного знания наряду с приобретением к индийскому культурному наследию и традиционной учёности, занялись осмыслением новой ситуации и состояния общества, а также общественно-реформаторской деятельностью. И одной из значимых областей приложения их усилий стали гуманитарные науки, в первую очередь история.

Импорт институтов современного образования и науки по каналам колониального управления и первоначально в интересах администрации подчинённых территорий, равно как и благодаря научным интересам европейских учёных обеспечил встречное движение индийских интеллектуалов, чьими усилиями были заложены основы развития современной науки в Индии [См.: Рашковский, 1990, С. 137–158; Lourdasamy 2004; Mallick 2006; Das Gupta (Ed.), 2011]. Однако если естественные науки в Индии имели давние традиции и древнюю историю, то в социогуманитарных науках устойчивые традиции сложились не во всех областях познания: в частности, неразвитой была социальная мысль (в отличие от политической), не сложилась и история как особая дисциплина, предметом которой является эволюция общества во времени. Это равнодушие к истории, смешение её с мифологическими нарративами, игнорирование хронологии и своеобразное отношение ко времени справедливо считается отличительной особенностью индийской цивилизации [См., напр.: Алаев 2018], но с вовлечением индийской цивилизационной общности в процессы модернизации в колониальный период ситуация в интеллектуальной сфере стала

динамически меняться. С одной стороны, так и не написанная индийцами индийская история превратилась в объект живого научного интереса европейских учёных-гуманитариев, которые занялись её реконструкцией, опираясь на доступные и вновь открываемые археологические и письменные источники [Korff, 1969; Алаев, 2013, С. 16–74]. С другой стороны, представители новых интеллектуальных кругов, озабоченных судьбой своей страны и настоящим состоянием общества, тоже почувствовали вкус к науке истории и серьёзно задумались об истории Индии, и первыми здесь были бенгальские интеллектуалы.

Рождение интереса к истории Индии в Бенгалии можно отсчитывать с «Краткого очерка древних и современных границ и истории Индии» (1831) философа, реформатора и политика Раммохана Рая (1872–1833), открывшего целый ряд векторов ренессансных процессов своими идеями, трудами и инициативами. Затем его младшие современники, ученики поэта и просветителя Г. В. Л. Дерозио основали в 1838 г. «Общество содействия приобретению всеобщих знаний». Среди их трудов, прочитанных в виде докладов на заседаниях, было несколько попыток последовательно представить ход истории страны (Перичанд Митро, Гобиндочондро Шен). На открытии Общества молодой учёный и общественный деятель Кришномохан Банерджи (1813–1885) прочитал лекцию «О природе и важности исторических исследований», где впервые сформулировал императив изучения истории Индии в контексте истории всемирной. Поскольку она – «одна из древнейших цивилизаций Азии»,

следует взяться за её научное постижение, которое ценно не только как знание, но и для просвещения соотечественников, дабы способствовать их воспитанию и моральному возрождению: «Если изучение истории имеет такое огромное значение для человечества вообще, то насколько более важно оно для людей, находящихся в нашем положении! Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким гражданским духом» [Banerjea, 1965, С. 22].

Этот императив исследования собственной истории был повторен и обоснован в 1876 г. в публичной лекции «Исследование индийской истории» Сурендронатха Банерджи (1848–1925), тогда преподавателя Метрополитэн-колледжа, будущего политика-конгрессиста. Он поднял проблему её научного исследования в контексте нравственного и социального возрождения страны, развернув её как пять уровней данности:

- 1) отсутствие индийцев-историков и потребность в них;
- 2) наличие предмета исследования — политической и культурной истории;
- 3) наличие опыта изучения истории Индии иностранцами;
- 4) затруднения с доступом к историческим источникам и их сохранностью;

- 5) необходимость реконструкции хода истории индуктивным методом и сложением данных разных источников с одновременным следованием принципам объективности, «практического здравомыслия» и «ограничению богатого воображения».

Смысл изучения истории — тот же, что и у К. Банерджи: «Прошлое должно быть изучено, прежде чем дело Индийского возрождения (regeneration) будет возможно завершить» [Banerjea, 1970, С. 235, 230]. Так или иначе, императив исторического познания родной страны был в XIX в. известен большинству мыслящих интеллектуалов Бенгалии и других регионов, и в меру возможностей они взяли на себя роль историков и создавали исторические работы — большей частью посвящённые истории региона (Бенгалии), но также охватывающие периоды истории субконтинента с древности [Mukherjee, 1958, С. 365–366]. Писатель Бонкимчондро Чоттопаддхай предложил художественные картины событий относительно недавней истории (XVII–XIX в.) в романах. Друг и единомышленник Сурендронатха Банерджи, экономист Ромешчондро Дотто (1848–1909) начал работу над многотомной историей цивилизации Древней Индии, основываясь на санскритских источниках. При этом очевиден наибольший интерес к древней истории, относительно меньший — к так называемому мусульманскому периоду истории Индии. Новая — недавняя история, связанная с современностью, с вовлечением общества в процессе модернизационной трансформации, становилось

предметом интереса реже, а импульс её анализа чаще приходил от европейцев.

1. В случае с Профуллочондро Раем обращение к «истории современности» произошло в инокультурном окружении по «внешнему» поводу, резонируя с личной склонностью к историко-гуманитарной проблематике у студента, знающего, что он «был рождён для химии» [Ray, 1932, С. 59] и вместе с ней изучающего в Эдинбурге физику, ботанику и зоологию. Однако молодой бенгальский интеллектуал вырос в атмосфере эпохи духовного и культурного ренессанса и был восприимчив к императивам, рождённым средой, выходцем из которой он был — средой бходролок (бенг. букв. благородные люди, джентльмены).

2. Сын землевладельца среднего достатка из Восточной Бенгалии (деревня Рарули дистрикта Джессор), чьи предки служили бенгальским навабам во время империи Великих Моголов, а затем в административном аппарате Ост-Индской компании, Профуллочондро Рай вырос в семье, культурно и социально погружённой в атмосферу Бенгальского Ренессанса. Начальное образование мальчик получил в основанной в Рарули его отцом английской средней школе, а после переезда семьи в Калькутту продолжил обучение в школе, основанной шотландцем Дэвидом Хэйром, другом и единомышленником Раммохана Рая. Из-за болезни вынужденный на два года оставить школу, Профуллочондро смог «потворствовать своей страсти к занятиям без помех и препятствий» — читать бенгальскую и английскую художественную литературу наряду с естественнонаучной и гуманитарной [Ray, 1932, С. 33]. В автобиографии

он называет историю среди своих любимых школьных предметов [Ray, 1932, С. 27–28], а в его круге чтения присутствует множество трудов по европейской истории наряду с первыми историческими работами индийских учёных — Раджендролала Митро и других. Затем Профуллочондро Рай продолжил обучение в Метрополитэн-колледже, основанном выдающимся просветителем и реформатором Ишшорчондро Биддешагором. Одновременно юноша слушал курс физики и химии в Президентском колледже и «почти неосознанно начал втягиваться именно в эту отрасль науки» [Ray, 1932, С. 47]. Получив стипендию Гилкрита, Профуллочондро уехал в Англию и поступил в Эдинбургский университет.

3. В биографии учёного, которого на родине называют «отцом химии в Индии», который явился признанным на мировом уровне исследователем в области органической химии, основателем химической промышленности в Бенгалии, профессором Калькутского университета, воспитавшим плеяду учёных-химиков Индии XX века [Zachariah, 2006; Chakrabarti, 2011; Chakravorty, 2014; Dasgupta, 2012, С. 152–169], эссе можно было бы считать случайным эпизодом, если бы, с одной стороны, в его сознание не вошли ключевые идеи и устремления и эпохи вместе с характерными чертами её молодого исторического сознания, а с другой стороны, если бы сам он не считал его значимым событием, которое «в известной мере окрасило мою будущую карьеру» [Ray, 1932, С. 61]. Спустя почти два десятилетия П. Рай успешно выступил в роли историка, но не общества, а науки: его «История индусской хи-

мии» в двух томах (1902–1909) охватила временной период от появления алхимических идей в Ведах до 1600 г. н. э. и сохранила научное значение и в начале XXI в. Более того, сопряжение истории индийской науки с контекстом социальной эволюции позволило ему стать одним из первых науковедов Индии [См.: Рай, 2022]. И поэтому его эссе 1885 года заслуживает пристального внимания не только как «проба пера» будущего историка науки, или «одно из проявлений националистического сознания» на позднем этапе Бенгальского Ренессанса [Dasgupta, 2011, С. 411–412] и «зрелости и патриотизма» молодого учёного [Ray, 2012, С. iii], но в первую очередь как опыт осмысления истории модернизирующейся Индии, своего рода «истории современности», хронологически опередивший аналогичные труды старших современников, профессионально занимающихся историческими исследованиями, — прежде всего Ромешчондро Дотто, автора двухтомной «Экономической истории Индии» (1902–1904).

4. К работе Профуллочондро отнёсся со всей серьёзностью: изучил все доступные ему в библиотеке университета труды о современной Индии, включая французские (Русселе «Индия раджей» и Ланойе «Современная Индия»), обратился к материалам британской, французской ('Revue des deux Mondes') и индийской ('Hindu Patriot') прессы и стенограммам парламентских дебатов (Hansard), а также книгам по политэкономии («Очерки индийской финансовой системы» Фосета и др.) [Ray, 1932, С. 61–62]. Это наложило известный отпечаток на эссе — источники, выступления и аналитические пассажи учёных и политиков в нём

обширно и часто цитируются, создавая впечатление диалога с участниками событий и экспертами: автор предоставляет им давать оценки происходящему и порой этим ограничивается. Текст «Индии до и после Восстания сипаев», тем не менее, оставляет впечатление упорного стремления автора быть объективным самому и воссоздать столь же объективную картину индийской истории на протяжении века колониального правления. Но именно объективности жюри конкурса не оценило: эссе сочли «полным горьких обличений по адресу британского управления» [Ray, 1932, С. 62], — в этом причина присуждения награды другому участнику, хотя эссе П. Рая и было отмечено как равноценное призовому как *proxime accesserant* (лат. «близко подошедшее к цели»). Бывший чиновник администрации Соединённых провинций Индии, востоковед-арабист, принципал университета Уильям Мьюэр (Muir, 1819–1905), напротив, специально отметил работу Профуллочондро Рая как «Имеющую знаки редкого совершенства» [Ray, 1932, С. 65].

5. «В искусстве написания книг я был начинающим, особенно в требующемся описании, но будучи индийцем, я подумал, что эту возможность упустить нельзя, и, собрав обширный материал, набрался смелости и принялся наносить чернила на бумагу», — вспоминает П. Рай [Ray, 1932, С. 62]. По его словам, он стремился быть кратким, избегать многословия и придерживаться самой сути дела. Структура его нарратива вполне продумана и построена на сочетании хронологического и проблемно-тематического принципов изложения содержания. Первая часть разделена на четыре главы

и в основном посвящена политической истории с основания Индийской империи англичанами и до правления генерал-губернатора лорда Р. Мэйо, «с особым вниманием к администрациям, создавшим или исполнившим планы материального и морального прогресса этой земли» [Ray, 2012, С. 2]. Вторая часть — описание экономического, интеллектуального и морального состояния и проблем, достижений и провалов эпохи британского правления — экономики, социальных отношений и институтов (три главы).

6. Особо отметим факт публикации эссе П. Рая сначала за свой счёт в университетской типографии, затем переиздание в 1886 г. Ему было предпослано посвящение студентам университета, а один экземпляр отправлен члену британского парламента Джон Брайту (1811–1889) – и он ответил автору сочувственным письмом, где особо отмечал «неведение части общественности... страны (Англии — Т.С.) и безмерный эгоизм здесь, как и в Индии, по отношению к нашим подлинным интересам в Индии», а также нарушение моральных обязательств и принципов истинной государственной мудрости» [Цит. по: Ray, 1932, С. 64]. Письмо было опубликовано в ‘London Times’ и в индийской прессе. «В те дни я придерживался доктрины о прощении (*mendicancy*) и с детским простодушием был убеждён, что если ущемления и обиды, от которых стонет наша страна, могли бы быть преподнесены вниманию британского народа, то они могли бы быть исправлены, — отмечал П. Рай в автобиографии. — Разочарование не заставило себя долго ждать. Нет в мировой истории ни одного примера,

чтобы господствующая раса по своей свободной воле и согласию пошла бы на уступки подчинённому народу» [Ray, 1932, С. 63]. По этой реплике нетрудно выявить мотивы, побудившие П. Рая сделать свой труд достоянием общечеловечности, создать обобщённую картину происходящих в колонии, не умалчивая о положительных изменениях, но также откровенно описывая недостатки, проблемы и провалы — экономические и политические. За этим мотивом — новая традиция понимания британской политической системы у интеллектуалов Бенгалии, которые выработали убеждение в том, что британские власти в Индии *должны следовать* тем же императивам и нормам управления и деятельности, что выработаны у них на родине, а задача индийской общественности — обнародовать все случаи их нарушения и все проблемы в индийском социуме. Эту традицию П. Рай воспроизводит, когда в посвящении студентам констатирует: «Плачевное состояние Индии в настоящее время произошло из-за неоправданного пренебрежения и серьёзного безразличия Англии к делам этой Империи. Англия по сию пору терпит поражение — пригорьно терпит поражение в исполнении её *священных обязанностей в отношении Индии* (Курсив мой — Т.С.)» [Ray, 2012, С. xvi]. И в том же посвящении «Индийский студент» надеется, что его поколение английских студентов, придя во власть, пересоздаст отношения Индии и Англии на качественной основе, а для первой настанет новая «счастливая» эпоха.

7. Обобщённым предметом исследования П. Рая в целом оказывается политическая история Индии с второй половины XVIII века, но

к ней содержательно примыкают её экономические и социокультурные аспекты — следствия политики в колонии.

8. Отправная точка политической истории Индии этого периода — появление европейцев (французов и англичан), сумевших поставить на службу своим интересам местное население: «Это Дюплекс первым показал, как из сырого местного *материала* можно создать блестящих солдат, если вымуштровать и обучить их по европейскому образцу» [Ray, 2012, С. 2]. Воспринявший этот опыт Роберт Клайв стал действительным автократом в Бенгалии, использующим все средства и все обстоятельства для основания колониальной империи; именно за это, несмотря на все злоупотребления он был признан на родине «исполнившим достойную службу для его страны» [Ray, 2012, С. 4]. Затем парламент законодательно утвердил первую систему управления индийскими владениями Британии в 1773 г. во главе с генерал-губернатором, и так началась новая политическая история. «В то время как лорд Клайв заложил основы индийской империи, Хейстингс внёс вклад в её консолидацию», — отмечает П. Рай [Ray, 2012, С. 5], не забывая упомянуть о злоупотреблениях первого генерал-губернатора и подчёркивая успехи культурной политики. По его словам, Хейстингс первый «...сделал успешную попытку развернуть нечто подобное космосу в хаосе: не только установил правовые институты (Королевский суд) в Калькутте по британскому образцу, но и инициировал изучение местных систем права — индуистского и мусульманского, а также открыл государственный мусульманский колледж

(Мадрассу) в Калькутте 1781 году. «Нелегко постичь, что привело к созданию названных институтов; — замечает автор эссе по поводу культурных мероприятий колониальных властей, — возможно, в основании этого лежало некоторое глубокое *политическое значение* (Курсив мой — Т. С.) — охота за популярностью. Иностранные правители таким путём предстали в глазах людей Востока покровителями учёности» [Ray, 2012, С. 70]. Но самым существенным из всех событий первых лет становления британской власти П. Рай назвал «систематическое исключение детей этой земли» — индийцев — из управления их страной — «всех, кроме самых раболепных и деградирующих» [Ray, 2012, С. 16]. Это произошло при лорде Корнуоллисе, который своими реформами в сфере управления и собственности («Постоянное землеустройство»), по сути, создал весь механизм управления Индией. Вытеснение индийцев со всех высоких ответственных постов было одной стороной реформ политической системы Индии, другая появилась при подчинении её южных областей — в войне с Майсором (с Типу Султаном): «Первый, но никоим образом не последний пример, когда известная поговорка *divide et impera* была с блестящим успехом применена в Индии». Политика «разделяй и властвуй» тогда проявилась в противопоставлении маратхов как союзников Корнуоллиса войскам Типу Султана, и скоро обернулась против самих маратхов «с ужасающими последствиями» [Ray, 2012, С. 9]. И то, и другое, по сути, составило подход, заданный самим Корнуоллисом и разделяемый в целом большинством его соотечественников: индий-

ские провинции должны управляться «исключительно с оглядкой на интересы правящей державы» [Ray, 2012, С. 10]; фактически он сохраняется, невзирая на все перемены.

9. Описываемая Профуллочондро Раем политическая история до и после Восстания сипаев в 1857–1859 гг. выдержана в стиле краткого нарратива о содержании политики каждого из сменяющих друг друга генерал-губернаторов: решения и реформы, войны и аннексии. В целом она предстаёт как всё новые и новые присоединения территорий и колониальные войны, благодаря которым всё более и более возрастают доходы казны Ост-Индской компании, но менее всего выигрывает местное население. Так, лорд Уэллсли и лорд Корнуоллис мастерски играли на противоречиях, «никогда не воевали одновременно сразу с несколькими врагами», используя не только военную силу, но также лесть и подкуп» [Ray, 2012, С. 10]. Ф. Р. Хейстингс воевал с горцами Непала (1814–1816), «доказывая, что он второй Уэллсли, хотя и более миниатюрного масштаба»; «главным событием правления лорда Эмхерста является Первая бирманская война», стоившая 13 млн фунтов [Ray, 2012, С. 13, 14]. С дотошностью экономиста П. Рай констатирует расходы и людские потери Индии от ведущих колониальной властью войн: лорд Окленд и лорд Элленборо, пытавшиеся противостоять росту влияния царской России в Центральной Азии, вели затяжную первую Англо-афганскую войну, стоившую Индии 20 000 жизней и 15 млн. ф. ст. [Ray, 2012, С. 18]; при лорде Хардинге (1844–1848) началась кровопролитная Первая Панджабская война, вторая война

с сикхами пришлось на правление маркиза Дальхузи (1848–1856) и завершилась полным присоединением Пенджаба. Этот генерал-губернатор в подзаголовке к четвёртой главе назван «присоединителем» (an annexationist) различных территорий, так как после аннексии Пенджаба последовала целая серия присоединений индийских княжеств (Саттара, Нагпур, Ауд).

10. Иными словами, история Индии до Восстания — это история подчинения разных областей и их объединения в Индийскую империю, становления Британского радж (правления), которое, к тому же, всячески оправдывается и обосновывается завоевателями и их сторонниками. К последним примкнули христианские миссионеры датской колонии Серампур — в своём журнале «Друг Индии» они всячески восхваляли и защищали действия Дальхузи по присоединению княжеств, объявленных выморочными. «Прежде серампурский журнал был источником высоких и возвышенных доктрин; но теперь, увы, проповедника полностью вытеснил сторонник аннексий; и тот, кто до сих пор писал словно ангел, теперь говорит как попка дурак», — саркастически замечает П. Рай [Ray, 2012, С. 25]. Когда же аннексия становится свершившимся фактом, британцы начинают прославлять свои достижения — как в случае с аннексией Пенджаба (появление железнодорожного сообщения, свобода торговли и т. д.). Но автор эссе ставит главный политический вопрос: «Но стало ли хотя бы немного лучше его (пенджабского крестьянина — Т. С.) положение?». Ответ на него дают сами британские должностные лица в цитатах, приводимых П. Раем, — положение населения не

улучшается никак, поскольку крестьяне выплачивают непосильный налог [Ray, 2012, С. 23–24].

11. На этом фоне аннексий и войн реформы и импорт в Индию современных институтов выглядят счастливыми исключениями среди основных направлений деятельности колониальной администрации. Но именно они показывают действительно *полезные* мероприятия *в интересах населения Индии* — политически зависимого и подчинённого. Фактически эта политика «открыла новую эпоху в истории Британской Индии» [Ray, 2012, С. 15].

12. «В то время как одно индийское государство быстро исчезало вслед за другим, в англо-индийском календаре немалое место занимали проекты морального и материального прогресса на этой земле», — так П. Рай предваряет описание администрации Уильяма Бентинка 1828–1835, время, когда «меч... ржавел в ножнах, а генерал-губернатор посвятил себя труду реформирования с усердием пенсильванского квакера» [Ray, 2012, С. 15]. Тогда индийцы более отчётливо стали видеть цели своих завоевателей и осознали наличие у Британии «высокой и благородной миссии помимо ведения агрессивной политики» [Ray, 2012, С. 15]. Способность видеть реальность с точки зрения индийцев выгодно отличала, по мнению П. Рая, Уильяма Бентинка от всех его предшественников, и первым его важным шагом были закреплённые в Хартии Ост-Индской компании 1833 г. меры по расширению доступа индейцев к замещению должностей в судебной и исполнительной власти в системе управления Индией [Ray, 2012, С. 16]. Другим славным деянием было задержание обычая самосожжения вдов (*sati*)

в 1829 г. — и в этом Бентинк также оказался способным увидеть индийскую точку зрения, выраженную Раммоханом Раем в его «крестовом походе против бесчеловечной практики» [Ray, 2012, С. 17].

13. С заметной симпатией П. Рай говорит и об усилиях Т. Б. Маколея в области современного образования и отмене цензурных ограничений прессы при Ч. Меткафе. Несмотря на «политику аннексий... во всём её неприкрытом уродстве», и Дальхузи явил себя как реформатор. Автор стремится сохранить объективность и представляет потому «другую сторону... картины» [Ray, 2012, С. 35]. Дальхузи способствовал техническому прогрессу страны, когда решительно взялся за проведение в жизнь программы строительства в Индии железных дорог при поддержке «патерналистского правительства» и привлечения частного английского капитала [Ray, 2012, С. 35–36]. При нём были созданы телеграф и почтовая служба, организованы общественные работы по строительству дорог, а школы, где преподавание идёт на родном языке, при его покровительстве заработали в разных провинциях Британской Индии, а Дринкуотер Бетюн основал первые женские школы. Потому-то, несмотря на расходящуюся и с правом, и с моралью, противную человечности политику аннексий Дальхузи, П. Рай полагает, что в будущем «беспристрастный историк, возможно, склонен будет отвести ему место сразу после, если не вместе с Бентинком» [Ray, 2012, С. 37–38].

14. Случившееся в правление Каннинга (1856–1862) Восстание сипаев П. Рай не описы-

вает (его причины и ход «не являются целью исследования»); но это, бесспорно, «веха в истории Индии», своего рода испытание на прочность верности и лояльности индийских подданных Империи британскому правлению; и в целом народ «выказал стойкую и преданную лояльность британскому делу» [Ray, 2012, С. 38]. Исходом Восстания стало подтверждение священных и нерушимых прав индийских подданных королевы и дарование им права голоса и участия в делах страны [Ray, 2012, С. 40]. И в этом же году были основаны три университета в Калькутте, Бомбее и Мадрасе.

15. Политика других правителей Индии (теперь вице-королей), по описанию П. Рая, была сосредоточена на преобразованиях в структуре управления и некоторых усовершенствованиях финансовой системы, хотя этот же период отмечен рядом негативных следствий в жизни народа — от перекладывания расходов по возросшему госдолгу Индии на её население и до случаев массового голода в регионах (Орисса 1866 и др.) [Ray, 2012, С. 41].

16. Чем дальше, тем больше в очерке П. Рая политической истории проступает экономическая подоплёка; но экономике он посвятил особую главу, где показал, что для благополучия народа Индии реально представляет собой подход управления в интересах правящей державы. Ключевая его фраза для понимания экономического состояния колонии — «Япония управляется японцами для японцев; Индия управляется чужой нацией, в огромной степени, если не в основном, ради выгоды последней» [Ray, 2012, С. 54]. С одной стороны, П. Рай

принял за должное классическую экономическую теорию Адама Смита для объяснения рыночной экономики, с другой же на индийском материале увидел, что «политическая экономия — это самая удобная вещь в руках наших государственных деятелей, когда Индия является жертвой», и полностью игнорируется ситуация, что «огромный процент доходов Индии тратится... с полным пренебрежением поучениями Адама Смита и Джона Стюарта Милля» [Ray, 2012, С. 53]. По таким характеристикам, как постоянно растущие госзаймы от имени Министерства по делам Индии, разорительные для земледельцев системы налогообложения, соляной налог на население и другие прямые и косвенные налоги и сборы; обесценение серебра; постоянный дефицит бюджета из-за военных расходов (при том что «Англия не вложила не фартинга в облегчение финансовых тягот Индии» даже в период, когда после Восстания сипаев страна оказалась на грани банкротства [Ray, 2012, С. 41]) и так далее, — очевидно, что страна пребывает в состоянии хронического и постоянно воспроизводимого расстройств финансовой системы. Пагубность её для благополучия населения очевидна, как и несправедливость системы экономического взаимодействия с Англией. «Индия — одна из беднейших стран, принуждена к партнёрству с богатейшей страной в мире. Самый покорный, сговорчивый, законопослушный, пассивный и миролюбивый народ теперь обременён ношей, которая, принимая во внимание бедность Индии, должно быть, тяжелейшая в мире» [Ray, 2012, С. 55], — заключает Профуллочондро, подчёркивая в этой политике львиную долю

военных расходов, включая имперские затраты (войны в Новой Зеландии, Китае, Персии, Абиссинии, Афганистане и Египте) [Ray, 2012, С. 56]. Немногие из высших чиновников и парламентариев в метрополии протестуют против этой ситуации, тогда как «британскую общественность, которая, как правило, не посвящена в тайной индийских финансов, держат в неведении» [Ray, 2012, С. 47]. При этом попытки экономии не имеют результата, важнейшие области обеспечения реального благополучия, такие как образование населения (начальное и среднее) и другие, страдают от хронического недофинансирования и большей частью держатся на инициативах индийских энтузиастов просвещения и миссионеров, а планы правительства никак не проводятся в жизнь [Ray, 2012, С. 53–54]. Это сильно контрастирует с суммами расходов на одно только начальное образование в метрополии — Англии и Уэльсе. Выход из ситуации П. Рай видит на пути открытия доступа индийцев в финансовые структуры и категорически отвергает излюбленный аргумент европейцев о «неспособности» индийцев к управленческой и финансово-экономической деятельности [Ray, 2012, С. 60–61].

17. Фундаментальной экономической проблемой для Профуллочондро Рая является бедность. В основном это состояние проявилось на фоне устойчивого мифа о «сказочном богатстве Индии» в структуре её экономики, остающейся аграрной, со слабо развитым промышленным производством. «Бедность Индии заключается главным образом в факте, что она вынуждена зависеть от сельского хозяйства, и не только от него, — подчёркивает П. Рай

разительное отличие своей страны от стран Европы с их урбанизацией и индустриализацией. —<...>, К сожалению, в Индии вряд ли существует какое-либо различие между сельским и городским населением. <...> Около 70 % населения должно поддерживать своё существование обработкой земли». По официальным данным, народ живёт в крайней бедности, на 3–4 пенса в день, а в отдельных провинциях и на 1,5 пенса [Ray, 2012, С. 101–102]. Сравнение с любой из современных западных стран также оказывается не в пользу Индии: так, развитое сельское хозяйство США высвечивает ряд причин бедности первой — истощение её сельскохозяйственных земель, высокая плотность сельского населения, отсутствие достаточного объёма производства продовольствия и потому невозможность стать экспортёром в этой области [Ray, 2012, С. 103–104]. Хроническое недоедание и периодически повторяющийся голод с многочисленными жертвами (до 16 млн. с начала XIX в.) [Ray, 2012, С. 65]. — печальное социально-демографическое следствие отсутствия продуманной политики, признанное даже метрополией.

18. Констатируя экономические проблемы и отставание Индии от динамично развивающихся стран Европы и Америки, П. Рай не допускает и мысли о реставрации прежнего доколониального порядка — даже несмотря на то, что население индийских княжеств выглядит более благополучным и процветающим по сравнению с населением британских колониальных регионов, так как свободно от непомерных сборов и кабалы ростовщиков, а местные князья «тратят свой доход дома». «Средства

преодоления бедности», решения проблемы недоедания и голода, по мысли автора эссе, лежат в плоскости создания в Индии современной индустриальной экономики, с опорой на знание местной специфики и с оглядкой на прогрессивный опыт других стран. В области сельскохозяйственного производства первейшим средством Профуллочондро считает уже проводимые мероприятия по ирригации вместе с созданием страховых фондов на случай непредвиденных обстоятельств, то есть голода [Ray, 2012, С. 65]. Данные, собранные по разным независимым источникам, рисуют неутешительную картину пренебрежения ирригацией на фоне преследуемых колониальной властью и эгоистических целей — военных расходов и извлечения прибыли. «...Историю наших ирригационных работ можно свести к трём фразам: плохая работа, управление и некомпетентность», — с горечью констатировал П. Рай, — поскольку индусские и мусульманские правители не ждали (или не принимали) ни фартинга дохода от вложенного капитала, нас невозможно заставить действовать, если мы не будем уверены, что нам удастся пожать богатый урожай» [Ray, 2012, С. 67]. Поэтому достойное средство развития сельского хозяйства не действует.

19. «Как создать промышленное население в Индии — это проблема проблем, это её жизненная проблема» [Ray, 2012, С.103–104], — заявляет П. Рай, указывая на потребность Индии в общей индустриализации. Во второй половине XIX века «младенческая индустрия Индии» во всём зависима от экономики метрополии, и ей просто необходимо развиваться,

«приняв тактику европейских наций»: населению — ориентироваться на освоение новых видов производства и рыночный спрос, состоятельным классам — вкладывать свои средства/капиталы в новые фабрики и становиться предпринимателями, создающими не только полезный и востребованный товар, но и рабочие места, то есть занятость для «тысяч своих голодающих соотечественников» [Ray, 2012, С. 104–105].

20. В эссе П. Рая возникает и значимая для него тема влияния рационального мышления и научного знания на экономическое и технологическое развитие общества и его успешную интеграцию в современный мир. С умелым применением научных знаний молодой учёный связывает экономический прогресс современной ему Европы, и видит фатальную ошибку правительства колониальной Индии в отсутствии внимания «к происходящему в прогрессивном мире» [Ray, 2012, С. 105–107]. В частности, он считает, что в Индии целый ряд важнейших отраслей может быть коренным образом перестроен на основе новых научно-технологических достижений, причём это отрасли, где занято множество работников, но производство идёт самым примитивным образом (рыбоводство, шелководство, соляной промысел, добыча селитры и проч.) [Ray, 2012, С. 108–109]. Однако для этого, как и для многих других научно-производственных трансформаций экономики, требуется развивать в стране научные и техническое образование, которые, как П. Рай знает на личном опыте и опыте соотечественников и других регионов Индии, — фактически не удостоен внимания властей, не-

взирая на отпущенные на оснащение колледжей средства [Ray, 2012, С. 109]. Открытых «инженерных колледжей» в некоторых крупных городах явно недостаточно для достойного естественнонаучного и технического образования, так как они являются обычными средними школами [Ray, 2012, С. 110]. Несмотря на известные усилия и инициативы властей Индии, инженерное образование страдает от нехватки средств, учебных лабораторий и качественного преподавания.

21. Тема инженерного, в частности, и современного научного образования в Индии — часть общих размышлений Профуллочондро Рая о социокультурных трансформациях в её Новой истории. В особой главе он показывает, как благодаря политическому действию различных британских генерал-губернаторов медленно и с переменным успехом началось распространение западного образования в Индии — от У. Хейстингса до 1885 года, и для Профуллочондро самую важную службу его стране сослужили те, кто так или иначе поддерживал просветительские инициативы и импортировал институты, а не отдавал все силы и финансовые средства войнам и аннексиям. С Хейстингса ведётся отсчёт покровительства традиционной учёности, продолжившегося основанием Санскритского колледжа в Бенаресе 1793 г., но всё это лежало в русле присущей индийцам «исключительной приверженности классике и метафизике с незапамятных времён» [Ray, 2012, С. 109], то есть тех знаний, которые не способствуют социальному прогрессу и ограничивают интеллектуальную деятельность элитами, не допуская к ней простонародье. Об этом

П. Рай будет не раз говорить впоследствии, но в «Индии до и после Восстания сипаев» этой особенностью индийской мысли будут объясняться не только затруднения в развитии технического и научного образования, но и общий фон просвещения в Индии XIX в., которое началось благодаря импульсу извне. «Роль, сыгранная Англией в продвижении интеллектуального прогресса индийцев, составляет ярчайшие главы в англо-индийской истории», — резюмирует Профуллочондро Рай после описания этих условных «глав» [Ray, 2012, С. 81].

22. К декларированному «усовершенствованию условий миллионов, вверенных их заботе», британские власти приступили не сразу, довольно долго предпочитая «поощрение учёных туземцев». Поэтому «задолго до того как Англия выучилась делать что-либо в этом роде, они сами (индийцы — Т. С.) основали колледж в Калькутте на собственные добровольные пожертвования для обучения молодёжи английской литературе и наукам» [Ray, 2012, С. 71], — пишет П. Рай об основании в 1817 г. Хинду колледжа, саркастически отмечая, какие небольшие суммы шли на дело образования, и как власть не отвечала на запрос местного населения на современное европейское образование и слепо защищала ориенталистские приоритеты в этой области. Ситуация стала меняться только с приходом Уильяма Бентинка и Томаса Бабингтона Маколей с его схемой развития образования. Особой вехой просвещения стало основание Медицинского колледжа (1835), ниспровергнувшего кастовые предрассудки: «Да, это был день, полный событий для будущей Индии, — когда индус сказал долгое

и последнее “прощай” взлелеянному двадцатью веками изуверству, взял скальпель и вскрыл труп» [Ray, 2012, С. 74].

23. В разных регионах, не только в Бенгалии, но и в Бомбейском и Мадрасском президентствах усилиями англичан и индийцев, чиновников и местных элит, частных лиц и особенно христианских миссионеров были основаны колледжи и школы. Но если Т. Б. Маколей назван у П. Рая «отцом высшего образования в Индии» [Ray, 2012, С. 75], то ещё более значительной стала «Интеллектуальная хартия Индии», предложенная сэром Чарлзом Вудом: сохраняя значительную роль высшего образования, она обеспечивала образование для масс в светских школах, обучающих на родных языках, в правительственных колледжах и затем университетах [Ray, 2012, С. 76–77]. Начавшись при Дальхузи, внедрение этой схемы продолжилось при Каннинге и Мэйо. При всех недоработках и терниях на пути просвещения, Англии удалось распространить в образованных классах ключевые знания и современные модели мышления, включая «принципы конституционализма». И главный итог П. Рай видит в «поднимающемся национальном сознании (nationality)» индийцев [Ray, 2012, С. 82].

24. Однако Профуллочондро не ставит происходящие в Индии изменения в заслугу исключительно усилиям европейских энтузиастов просвещения; по инициативам индийцев и действиям местных региональных реформаторов можно судить об интеллектуальном, духовном и социальном движении местного населения навстречу новому знанию и культуре Запада. П. Рай первым описывает то, что

участники событий периода новой «англо-индийской истории» сознавали как «возрождение». Не раз появляется в очерке Раммохан Рай — как борец против обычая сати и инициатор «морального возрождения», как автор «патетического обращения к представителю британской нации» (письмо У. П. Эмхерсту о необходимости европейского образования индийцев, 1823 — Т. С.) задолго до Маколея предвосхитившего его схему распространения образования, но оставшегося тогда «гласом вопиющего в пустыне», — и «мы не знаем, кто из двоих достоин большего восхищения — Раммохан Рай или Маколей» [Ray, 2012, С. 17, 75–76]. Раммохан упомянут и как религиозный реформатор, исследовавший другие религии и обративший умы индуистов к монотеистическому содержанию духовного наследия Вед, основатель «теистической церкви» (общества Брахмо Самадж). Его усилия и труды вместе с деятельностью сторонников и последователей, которых Профуллочондро Рай называет молодой Индией, — создали новые движения, стремящиеся придать обществу новый импульс развития в будущем.

25. С одной стороны, эта молодая Индия опирается на собственное наследие, на открытое ею знание о том, что «индусы были культурной нацией на протяжении последних двух тысячелетий и более», и что древняя Индия была не только богата философией и поэзией, но и была «колыбелью математических наук» [Ray, 2012, С. 77–78]. С другой же стороны, современные индусы получили «новое интеллектуальное рождение» благодаря тому, что «открыли в наследии Запада источник вдохно-

вения» [Ray, 2012, С. 78] и восприняли всё, что пожелали. П. Рай считает содержанием происходящих социокультурных процессов Индии, по сути, особый синтез индийского и западного: «Индус на горьком опыте усвоил, что не следует внедрять западные манеры и обычаи *in toto*, если он желает, чтобы реформы, которые он проводит, укоренились и распространились вглубь и вширь, в глубины общества; он должен в целом хранить родительское наследство, обрубить некоторые старые высохшие ветви и привить на их место новые и сильные, здоровые, он должен реформировать, а не революционизировать» [Ray, 2012, С. 78], так что современный духовный, культурный и социально-политический подъём в Индии — это результат совместных усилий индийцев, хотя последние и «отказываются признавать суровую и непреодолимую логику фактов», в которой вполне естественны пробуждение самосознания и конструктивных устремлений индийцев, их нежелание мириться с ограничениями их прав и возможностей в собственной стране и критическое мышление политической сфере. Современный индиец, по словам П. Рая, «...видит очевидный разрыв между идеалом и реальностью; ему трудно примирить практику британских государственных деятелей с их обещаниями. Здоровое искусство управления государством заключается в предвидении или, по меньшей мере, в прочтении велений времени, и соответствующем этому действию» [Ray, 2012, С. 82]. В этом свете вполне адекватными, по мнению молодого учёного, выглядят современные политические запросы индийцев на участие во власти — начиная с гражданского управления

и продолжая созданием национальной Ассамблеи (по модели английского парламента!), занимающейся в масштабах Индии законодательными и исполнительными делами в сотрудничестве с колониальной властью [Ray, 2012, С. 85–86].

26. В главе об индийских княжествах Профуллочондро специально предложил сравнение достоинств местного (native) и британского правления в индийских регионах, считая его источником «ценных уроков». Несмотря ни на что, княжества остаются территориями, которые управляются индийцами и «предоставляют достаточную сферу для проявления административных способностей», в то время как в британских владениях представителей местного населения стесняют ограничения в доступе к управлению и тем более политическому управлению [Ray, 2012, С. 99]. В них сохраняются местные институты самоуправления (общинные панчаяты), тогда как в британских колониях власть любого рода, будь то гражданская, судебная или административная, отчуждена от местных институтов и передана английским магистратам или высокооплачиваемым чиновникам [Ray, 2012, С. 93]. Британские политики прикрывают это исключение местного населения из всех сфер управления разговорами о «неоценимом благе», принесённом населению колонизованных регионов Индии, и к тому же склонны сравнивать своё правление с прежним — могольским, для этого «выбирая некоторые худшие типы магометанских деспотов и изуверов» [Ray, 2012, С. 90]. Профуллочондро не согласен с обеими тенденциями; он предлагает аккуратнее выбирать пе-

риоды для сравнения: сопоставлять не могольскую и британскую политику разных исторических эпох, а могольскую политику в Индии, чьей вершиной стало изучение разнообразных религий и провозглашение всеобщей терпимости при императоре Акбаре, с политикой того же периода в елизаветинской Англии, с гонениями на подданных королевы, «которые имели несчастье отличаться от неё в догматических тонкостях» [Ray, 2012, С. 90]. В Индии «религиозная толерантность, поддерживаемая политикой, продиктованной не только благоразумием, но не менее — великодушием, была правилом, а не исключением при Моголах» [Ray, 2012, С. 90]; его нарушила только политика Аурангзеба. Более того, могольские императоры не исключали из системы управления иноверцев, тогда как самым фактом разрастания бюрократического аппарата и незнания народа, за который ответственны британские чиновники [Ray, 2012, С. 94], уже ставится под сомнение безусловность блага иностранной власти.

27. П. Рай постоянно даёт слово британским политикам, нелюбимым оценивающим факты и процессы своего времени в Индии; это они осуждают, критикуют и предупреждают о негативных последствиях, и очень часто замещают авторские выводы. Это происходит и при сравнении местного и британского правления — об унижении целого народа вместо его возвышения после завоевания в эссе сказано словами Ф. Р. Хейстингса (1817) [Ray, 2012, С. 96], о «состоянии деградации, в котором мы держим туземцев», и обращении с ними «как с низшей расой живых существ» — цитатой

Т. Манро [Ray, 2012, С. 101], о неутешительных перспективах применения политики «военного деспотизма» в управлении 150-миллионным народом — Р. Кобдена [Ray, 2012, С. 100].

28. Подчёркнуто объективная, даже объективистская позиция автора «Индии до и после Восстания сипаев», казалось бы, скрывает его собственные умозаключения за многочисленными и пространными цитатами из источников, однако при известной мозаичности повествования Рая его эссе может быть интерпретировано не только как одно из звеньев становления нового исторического сознания, но и как подступ к философии индийской истории — если перефразировать термин мексиканского философа Леопольдо Сеа. Пробуя перо в искусстве историописания, П. Рай de facto отвечает на прозвучавший в лекции Сурендронатха Банерджи императив постижения истории и попыткой реконструкции картины «истории современности» в Индии и решает проблему её научного исследования. Профуллочондро выступил в роли историка и так актуализировал предмет — историю Индии XVIII–XIX веков, колонизованной европейской державой. Он представил опыт исторического исследования, предпринятого индийцем при фактическом отсутствии индигенных исследований, но с имеющейся в достатке источниковой базой. Индуктивная реконструкция с умелым сложением данных и вместе с «практическим здравомыслием» (С. Банерджи) показала многогранность и многозначность хода и содержания исторического процесса в Индии XIX века.

29. Своим текстом Профуллочондро Рай высказал мысли, значимые для становления философского понимания истории Индии. Прежде всего это текст о том, как идёт модернизация Индии, о процессе и первых результатах. Начавшийся с появления британцев, процесс завоевания Индии и превращения в колонию политически, экономически и культурно изменил ход её истории: 1) исключил возможность участия во власти для отстаивания представителями местного населения своих интересов; 2) начал внедрять новые выработанные европейской цивилизацией институты и экономические формы и так создал угрозу благополучию населения в виде бедности и периодического голода при невостребованных населением возможностях новой системы производства; 3) возложил на население непомерное бремя расходов на военно-политические мероприятия и обслуживание экономических интересов британского бизнеса и в колонии, и в метрополии; и одновременно 4) открыл индийцам доступ к современному образованию и научному знанию, в ограниченном, но насущно необходимом в изменившихся обстоятельствах масштабе; 5) пробудил ориентальными исследованиями интерес к индийской истории и наследию у «детей этой земли» и вполне логично 6) вызвал рост самосознания и обозначил перспективу объединения народов Индии в политическую нацию. При всех проблемах, издержках и провалах, обусловленных большей частью колониальной зависимостью, движение Индии в современный мир у Профуллочондро Рая выглядит положительным и безальтернативным: в эссе нет и следа сожалений

о славном прошлом его страны, не говоря уже об идее его реставрации. Идея возрождения, пронизывающая разделы о культурных движениях в индийских регионах, связывается с искусным синтезом Родного и Другого в лице достижений и институтов Европы, с моральным и духовным развитием соотечественников автора, и в перспективе — с принятием на себя ответственности за свою судьбу и свою страну, т. е. с участием во власти. И этот процесс движения в современность и возрождения не завершён; эссе Профуллочондро Рая символически обнаруживает феномен бытия индийцев в истории, которое продолжается и длится в векторном, развёрнутом в будущее времени; это бытие людей, открытых новому, исполненных уважения к культурному наследию, готовых распоряжаться собственной судьбой и достойно отвечать на запросы и вызовы эпохи.

Список литературы

1. Ray, Prafulla Chandra. *Life and Experiences of Bengali Chemist*. L.: Kegan Paul, Trübner & Co. 1932. 557 p.
2. Mukherjee, Hirendranath. Foreword to the Rammohun Library Edition. Ray Prafulla-chandra. *India: Before and after Mutiny*. Ed. by R.K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 2012. P. v–viii.
3. Dasgupta, Subrata. *Awakening: The Story of the Bengal Renaissance*. Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
4. Dasgupta, Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore*. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
5. Рашковский, Е. Б. *Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX—XX вв.* М.: Наука, 1990. 202 с.
6. Lourdusamy, J. *Science and National Consciousness in Bengal: 1870–1930*. Madras: Orient Blackswan, 2004. 257 p.
7. Mallick, Sambit. Democratizing Scientific Knowledge through Building Scientific Institutions in Nineteenth Century India: the Sociology of Science Perspective. *Current Science*. Vol. 90, № 8, 25 April 2006. P. 1138–1145.
8. Das Gupta, Uma (Ed.) *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. 1232 p.
9. Алаев, Л. Б. Индусское отношение ко времени и к исторической памяти (к вопросу о специфике индийской цивилизации). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 6. С. 31–40.
10. Kopf, David. *British Orientalism and Bengal Renaissance*. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
11. Алаев, Л. Б. *Историография истории Индии*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 427 с.
12. Banerjea, Krishna Mohun. On the Nature and Importance of Historical Studies. *Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century*. Selected Documents. Ed. by G. Chattopadhyay. Calcutta: Progressive Publishers, 1965. P. 1–23.
13. Banerjee, Surendranath. The Study of Indian History. *Nationalism in Asia and Africa*. Ed. with an Introd. by Elie Kedourie. N. Y., Cleavland, L., 1970. P. 225–244.
14. Mukherjee, Bimala Prasad. History. *Studies in the Bengal Renaissance*. Ed. by A. Gupta.

- Calcutta: Jadavpur University, 1958. P. 360–385.
15. Zachariah, Benjamin. The Chemistry of a Bengali Life. Acharya Prafulla Chandra Ray in His Times and Spaces. *Beyond Representation: Colonial and Postcolonial Constructions of Indian Identity*. Ed. by Crispin Bates. Oxford University Press, 2006. P. 322–352.
16. Chakrabarti, Pratik. 'Science and Swadeshi: The Establishment and Growth of the Bengal Chemical and Pharmaceutical Works, 1893–1947'. *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Ed. by Uma Das Gupta. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. P. 117–142.
17. Chakravorty, Animesh. 'The Chemical Researches of Acharya Prafulla Chandra Ray'. *Indian Journal of History of Science*, 2014. 49.4. p. 361–370.
18. Рай, Профуллочондро. Бенгальский мозг и его неправильное применение. Пер. и комм. Т. Г. Скороходовой. *Вопросы философии*. 2022. № 1. С. 172–185.
19. Ray, Prafulla Chandra. *India: Before and after Mutiny*. Ed. by R. K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 2012. 114 p.
3. Dasgupta, Subrata. *Awakening: The Story of the Bengal Renaissance*. Noida: Random House Publishers, 2011. 481 p.
4. Dasgupta, Subrata. *The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore*. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
5. Rashkovsky, Eugene B. *Scientific Knowledge, Institutional Science, the Intellectuals in the East, 19th – 20th Centuries*, Moscow: Nauka, 1990. 202 p. (in Russian).
6. Lourdasamy, J. *Science and National Consciousness in Bengal: 1870–1930*. Madras: Orient Blackswan, 2004. 257 p.
7. Mallick, Sambit. Democratizing Scientific Knowledge through Building Scientific Institutions in Nineteenth Century India: the Sociology of Science Perspective. *Current Science*. Vol. 90, № 8, 25 April 2006. P. 1138–1145.
8. Das Gupta, Uma (Ed.) *Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947*. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. 1232 p.
9. Alayev, L. B. Hindu Attitude to Time and Historical Memory (To the Question of Peculiarities of the Indian Civilization). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. № 6. P. 31–40.
10. Kopf, David. *British Orientalism and Bengal Renaissance*. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
11. Alayev, L. B. *Historiography of Indian History*. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2013. 427 p.
12. Banerjea, Krishna Mohun. *On the Nature and Importance of Historical Studies. Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents*. Ed. by G. Chattopadhyay.

References

- Calcutta: Progressive Publishers, 1965. P. 1–23.
13. Banerjee, Surendranath. The Study of Indian History. Nationalism in Asia and Africa. Ed. with an Introd. by Elie Kedourie. N. Y., Cleavland, L., 1970. P. 225–244.
 14. Mukherjee, Bimala Prasad. History. Studies in the Bengal Renaissance. Ed. by A. Gupta. Calcutta: Jadavpur University, 1958. P. 360–385.
 15. Zachariah, Benjamin. The Chemistry of a Bengali Life. Acharya Prafulla Chandra Ray in His Times and Spaces. Beyond Representation: Colonial and Postcolonial Constructions of Indian Identity. Ed. by Crispin Bates. Oxford University Press, 2006. P. 322–352.
 16. Chakrabarti, Pratik. 'Science and Swadeshi: The Establishment and Growth of the Bengal Chemical and Pharmaceutical Works, 1893–1947'. Science and Modern India: An Institutional History. C. 1784–1947. Ed. by Uma Das Gupta. Delhi, etc.: Pearson Education India, 2011. P. 117–142.
 17. Chakravorty, Animesh. 'The Chemical Researches of Acharya Prafulla Chandra Ray'. Indian Journal of History of Science, 2014. 49.4. p. 361–370.
 18. Ray, Prafulla Chandra. Bengali Brain and its Misuse. Russian translation by T. G. Skorokhodova. Voprosy filosofii. 2022. № 1. P. 172–185.
 19. Ray, Prafulla Chandra. India: Before and after Mutiny. Ed. by R. K. Jha and R. Bhatt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 2012. 114 p.

Сведения об авторе

Скорородова Татьяна Григорьевна

Профессор, доктор философских наук,
кандидат исторических наук

Кафедра теории и практики социальной
работы

Пензенский государственный университет
440026, Пенза, ул. Красная, 40, Россия
skorokhod71@mail.ru

Information about the author

Tatiana G. Skorokhodova

Professor, Doctor of Philosophy; Candidate
of History

Department "Theory and Practice of Social
Work"

Penza State University, 440026, Penza,
Krasnaya str, 40, Russia
skorokhod71@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.09.24

Одобрена после рецензирования: 21.09.24

Принята к публикации: 30.09.24

Information about the article

The article was submitted 10.09.24

Approved after reviewing 21.09.24

Accepted for publication 30.09.24